

Письма кяхтинского купца И.А. Нерпина из Китая

Жиров А. А.
ТФ ГАОО

Нерпины – одна из наиболее знаменитых сибирских купеческих фамилий. Еще в конце XVII – начале XVIII в. они активно торговали рыбой, скотом, держали лавки в Гостинном дворе Тары.¹ Во второй половине XVIII века они вели закупки кожсырья в Тобольской губернии, торговлю в Иртышских крепостях. На рубеже XVII–XVIII веков их кожзаводы по масштабам производства уступали лишь заводам крупнейших кожевенников губернии – тюменским купцам Башарину и Прасолову. По 3-5 тыс. красных и черных юфтевых кож вывозилось ими за пределы тарского рынка, в верхнеиртышские крепости и Кяхту. И.Ф. Нерпин был самым богатым купцом Тары в начале XIX века, им были выстроены три каменных церкви и два первых на территории современной Омской обл. частных каменных дома. В 1812 году И.Ф. Нерпин дал 5 тыс. руб. на войну с Наполеоном, больше всех в Сибири.²

Выходец из Тары, представитель этой известной купеческой фамилии кяхтинский 1 гильдии купец И.А. Нерпин, возглавив в 1861 году купеческий караван, выполнил очень важную работу в китайских городах, создавшую прочную базу для развития дальнейших экономических связей между Россией и Китаем.

Источниками для исследования деятельности торговых агентов в Китае явились материалы личного фонда М.Ф. Немчинова,³ публикации периодической печати XIX века,⁴ работы И.А. Носкова, Е.Д. Петряева, Д.И. Стахеева.

Иван Алексеевич Нерпин (1814-1875) в 14 лет покинул Тару, которая к тому времени потеряла былое значение и, естественно, перспективы для предприимчивой молодежи. В Кяхте он служил у купцов Кичина и Кузнецова (1828-1836), затем стал комиссионером чайных фирм. С 1843 года открыл собственную чайную торговлю, в 1844-1853 годах объявил капитал по 1 гильдии, в 1854 году – по 2-й гильдии. В 1845 году женился на Марии Захаровне Крыловой, дочери московского потомственного почетного гражданина – у них родились дети Алексей и Мария. Имел кожзавод в Кяхте, в с. Бичура построил свеклосахарный завод (1853). Современники компанию Нерпина и Ременникова называли “университетом коммерческой науки”,⁵ в ней начал свою предпринимательскую карьеру М.А. Лушников.⁶ Но в 1854 году фирма не выдержала конкуренции, И.А. объявил себя несостоятельным должником, а потому только что вышедший

1. Резун Д.Я., 1996.

2. Жиров А.А., Зусва Е.А., 1996.

3. НАРБ. Ф.111.

4. “Казанский Биржевой листок”, “Иллюстрированная газета”, “Акционер”, “Кяхтинский листок” и др.

5. Бестужев М.А., 1862.

6. Белокрыс М.А., 1994.

указ о возведении его в ППГ был отменен. Несмотря на это, в течении 10 лет И.А. считался одним из самых состоятельных кяхтинских купцов, неоднократно избирался старшиной торгующего на Кяхте купечества.

К 60-м годам И.А. Нерпин приобрел в среде Кяхтинского купечества большой авторитет. К этому времени кюльджинский (1851), айгунский и тяньцзынский (1858) договоры оставили кяхтинскую торговлю меновой. Но эта торговля не могла развиваться успешно из-за препятствий с китайской стороны.

После миссии графа Н.П. Игнатьева наметились некоторые перемены в отношениях сторон. Архимандрит Гурий предложил "дозволить ехать в Китай людям порядочным, у которых, кроме капитала и купеческой сметки, есть человеческое сердце и хоть на грош христианской добродетели".*

1861 год Кяхта встретила радостно и оживленно, собрания купечества проходили чуть ли не ежедневно. Живейшее участие в них принимал пограничный губернатор А.И. Деспот-Зенович, который рискнул отправить караван без разрешения свыше. По его почину кяхтинское купечество выбрало комитет, который должен был составить караван. Три торговых агента (Нерпин, Иванов и Ковригин) должны были собирать сведения, изучать торговлю в Китае, доставить пять мальчиков из кяхтинского монгольского училища для обучения их китайскому языку в русской духовной миссии в Пекине. Были составлены инструкции для агентов, и выбран ближайший путь через ворота Душэкэу. Разное толкование пекинского трактата привело к тому, что дзаргучий Маймачена отказался пропустить караван. Деспот-Зенович заявил, что караван пойдет, "хотя бы ему пришлось прокладывать дорогу штыками". Только после этого дзаргучий сказал, что у него нет вооруженной силы, "чтобы воспротивиться русскому насилию". Пограничный комиссар Карпов предусмотрительно заранее был послан в Ургу для обеспечения беспрепятственного прохождения каравана в глубь Китая.

С караваном отправлено товара на 139 тыс. руб. (на 65 тыс. золота и серебра в монете, на 60 тыс. сукна и плиса, на 14 тыс. пушных товаров и мягкой рухляди). Большая часть этих товаров принадлежала купцам Сабашникову, Лушникову, Я.А. и М.Ф. Немчиновым, Осокину. Их приказчики и доверенные вместе с агентами и будущими переводчиками составили 20 человек.

Выйдя из Кяхты 11 марта, караван через неделю прибыл в Ургу, где до 23 марта Карпов уговорами и угрозами добивался пропуска. По пути монголы охотно продавали баранов, давали советы, указывали дорогу, доставляли воду. Китайское правительство заявило архимандриту Гурию, что в Калган и Душэкэу послано предписание задержать русских. Гурий писал в Кяхту: "Не теряйте присутствия духа, действуйте энергично, от этого зависит будущее меновой торговли". Он даже предлагал "упрочить" караван 10 тыс. казаков и 2 млн. руб., чтобы

эссе ав-
тывает
источни-
кования

“убедить” мандаринов. В том, что дело уладилось без штыков, есть большая заслуга И. А. Нерпина, возглавлявшего купеческий караван.

В Душэкуэ ему было передано письмо отца Гурия, в котором архимандрит советовал повернуть на Калган. От переводчика он узнал, что у заставы приготовлено 500 китайских солдат, а в городе ходят слухи, будто русские везут оружие для европейцев. После этого Нерпин решил ехать вперед для предупреждения подобных затруднений. В Калгане ему заявили, что караван дальше не пройдет – такова воля императора. К квартире Нерпина был приставлен караул, населению было запрещено общаться с русскими. Через две недели бесплодных переговоров по совету отца Гурия Нерпин прибег к уловке. 12 телег с половиной людей, названных служащими духовной миссии, и товарами, названными вещами, предназначенными для русской миссии, двинулись на Пекин. Были задержки в Тунджоу, новые переговоры и переписка с Пекином, изменения пути на Тяньцзинь, снятие пошлины с товаров по высокому британскому тарифу и пр. трудности. 24 сентября, после удачной закупки чая, караван на 210 верблюдах вышел из Тяньцзиня и после небольшой задержки в Калгане 15 декабря прибыл в Кяхту, которую “забросали” запросами из МИНФИНа, МИДа и Иркутского жандармского отделения...

Благодаря риску, энергии и умению действовать кяхтинцы проложили дорогу в Китай. В 1864-1865 годах в Ханькоу открылся первый Торговый дом “Окулов и Токмаков”, установлены связи с непосредственными производителями, основана первая в Китае русская фабрика кирпичного чая.

Подробности вышеназванных событий излагаются в письмах агентов кяхтинского купечества.

Письма И. А. Нерпина, оставшегося на некоторое время в Китае после отправки торгового каравана, содержат разнообразные коммерческие сведения, позволяющие исследователю составить детальное представление об изменениях порядка русско-китайской торговли 1860-х годов, о ходе подготовки переводчиков для купеческих чайных контор, о номенклатуре русских товаров в Китае и спросе на них, сравнительные данные на российские и английские ткани и другие товары... В письме из Ханькоу от 12 декабря 1861 года он указывает на недостаток российских тканей на китайском рынке, где “вошли в употребление” тонкие и легкие английские ткани, уступающие нашим “и по прочности и в чистоте отделки”.

Придавая особое значение подготовке переводчиков, Нерпин в письме от 29 января 1862 года отмечал, что воспитанники уже могут быть “весьма хорошими переводчиками” для русских купцов, торгующих в Тяньцзине, но было бы лучше, если бы им была предоставлена возможность освоить наречие южных китайцев. Он ссылается на опыт англичан и французов.

Согласно программе издания “Кяхтинского листа” в этой газете основное место должно было отводиться сообщениям ком-

мерческих агентов И. Нерпина, Н. Иванова, И. Сабашникова, Н. Головкина и других из Ханькоу, Тяньцзыня, Шанхая, Пекина и Калгана.

Эти письма представляют значительный интерес не только с точки зрения изучения деятельности сибирского купечества, но и с точки зрения изучения их личностей, их социальной психологии и менталитета. Содержание писем дополняет социально-психологические портреты И.А. Нерпина и других кяхтинских купцов новыми, интересными и ранее неизвестными чертами и деталями. Каждый источник, дающий нам такую возможность, нельзя переоценить уже потому, что таких источников немного. Процесс их выявления только набирает силу.

Содержание писем И.А. Нерпина, при их последовательном прочтении, дает некоторую пищу для размышлений о личности этого купца. Перед исследователем предстает энергичный деятель и, в то же время, вдумчивый аналитик, активно и успешно познающий соседнюю страну и ее население, прекрасно понимающий, насколько нужна и важна его работа российским коммерсантами и промышленникам.